

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

В оформлении обложки использована
работа художника *Владимира Нартова*

Бубенников, Александр Николаевич.
Б90 Годунов. Трагедии Смутного времени /
Александр Бубенников. — Москва : Эксмо,
2019. — 304 с.

ISBN 978-5-04-102211-2

Нельзя лгать своему народу.

Могучее Московское государство, созданное Грозным, всего за несколько лет было буквально обращено в пыль внутренними врагами.

Лжедмитрий Первый не имел ни малейшего сомнения в своем праве на престол и вел себя соответственно. При нем был низложен первый патриарх Московский Иов. Были убиты царица и царь Федор Годунов. Ксению Годунову отправили к Самозванцу для секс-развлечений. Марфа Нагая признала Лжедмитрия своим сыном, что окончательно сняло все вопросы у сомневающихся.

Весной 1606 года в Москву прибыли представители польского дворянского рода Мнишек, а с ними огромное количество поляков и литвинов. Эти люди вели себя как завоеватели.

Государство превращалось в фантом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102211-2

© Бубенников А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Вместо предисловия. Введение в исторический детектив

Как возникают царские династии? Почему из недр русской и мировой истории был вытолкнут на сцену юный царь Михаил, первый представитель династии Романовых? С чьей помощью и поддержкой, как внешней, так и внутренней, Романовы вззошли на престол? Почему через триста лет исчезла эта «вечная» династия, несущая в себе травмы, порожденные страшной Русской Смутой на стыке шестнадцатого и семнадцатого веков?

По официальной государственной версии выходит, что Земский собор 14 апреля 1613 года постановил составить и утвердить грамоту об избрании царем Михаила Федоровича Романова.

Советский историк Р. Г. Скрынников писал об этом весьма саркастически:

«За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса Годунова к собору, заставляли инокиню Марфу Романову по-

вторять речи инокини Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле перенеся под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь была теперь возведена в ранг официальной доктрины».

Заседание Земского собора началось 6 декабря 1612 года. Чуть раньше, в ноябре, из Москвы были разосланы грамоты с наказом выслать в столицу выборных людей. Разумеется, за столь короткий срок до Москвы добрались лишь немногие из них.

Официальная, хотя и совершенно сказочная версия восхождения Михаила Романова на трон изложена у историка С. М. Соловьева в его фундаментальном труде «История России с древнейших времен»:

«Когда съехалось довольно много властей и выборных, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов или своего природного русского, и порешили «литовского и шведского короля и их детей иных немецких вер и некоторых государств иноязычных нехристианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на Москов-

ское государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом». Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовали стороны, но ни одна из сторон не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всего по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса: «Кто принес такую грамоту, кто, откуда?» В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение. «Что это ты подал, атаман?» — спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», — ответил атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Это ключевой момент Земского собора с отвержением всех кандидатур иноземцев на царский престол и выдвижением юного Михаила Романова. Обращает на себя внимание

удивительный факт. Неизвестному дворянину из Галича никто даже не задал никакого вопроса насчет разъяснения его позиции по кандидатуре Михаила Романова.

Не знал галичанина и князь Пожарский, герой-полководец, стоявший во главе русских полков при освобождении Москвы от поляков, изгнавший их из Кремля. Он не стал требовать от него письменного подтверждения его мнения, не счел нужным выяснять, какие силы стоят за поместным дворянством. Но князь Дмитрий Михайлович Пожарский, имевший все основания занять престол, задал свой сакраментальный вопрос другому человеку, хорошо знакомому ему: «Что это ты подал, атаман?»

Как же важно задать верный, жизненно важный вопрос своему оппоненту в историческом ученом споре и услышать своевременный ответ, разъясняющий глубинную суть всего происходящего в настоящий момент, с мощными корневыми связями с прошлым и с побегами будущего в изменяющемся пространстве и времени.

Князь Пожарский услышал ответ казацкого атамана, держащего огромное войско в самой Москве и в ее округе. Сам Дмитрий Михайлович по неопытности и доверчивости распустил свои полки после взятия Кремля, перед началом работы Земского собора. Он

больше не задавал никаких вопросов, решил не ссориться с донскими казаками, практически снял свою кандидатуру с выборов, отказался от царского престола. Четкий, давно созревший, кем-то навязанный казакам ответ: «О природном царе Михаиле Федоровиче», единое мнение поместного дворянства и донского казачества мгновенно решило дело. Пятнадцатилетний Михаил Романов был ловко посажен и протащен на московский престол некими таинственными силами.

Конечно, князь Пожарский готов был к такому повороту событий, хотя и жалел, что слишком быстро распустил свое войско, верное ему, чтобы усилить агитацию за свою кандидатуру. Только русскому герою в принципе невыгодно было выступать против казаков в схватке за престол. Ведь они совсем недавно были союзниками в совместных битвах против иноземцев. Пожарский не забыл, что меньше двух лет назад при московском восстании против поляков именно сильного донского войска казаков не хватило ему для изгнания иноземцев и бояр-предателей из Кремля. Тогда он был сильно ранен, мог погибнуть. К тому же князь Дмитрий Михайлович по определению не был из «природных царей», хотя и принадлежал к старинному княжескому роду Рюриковичей из князей Стародубских Суздальской земли, являлся потомком великого князя

Всеволода Юрьевича, сына Юрия Долгорукого. А избранник Михаил Романов, дважды прятавшийся в Кремле с поляками и боярами-коллаборантами от народных ополчений в 1611 и 1612 годах, был только племянником последнего московского царя Федора Ивановича из династии Рюриковичей — по линии царицы Анастасии.

Вспомнил Пожарский разговоры выборов, мол, юный Михаил Федорович совсем не причастен к событиям Смуты, подумаешь, с поляками дважды в Кремле прятался. К тому же этот юноша, сын польского пленника Федора Никитича Романова, патриарха Филарета, имеет «тихий, нежестокий нрав».

Вспомнил Пожарский, как во время выборов, еще до озвученного мнения поместного дворянства и казачества, один знакомый боярин шепнул ему на ухо:

«Сейчас Мишку Романова предложат на престол дворяне и казаки. А что, князь, может, выберем Мишку, он молод и еще не мудрен, во всем послушен нам, боярам и князьям, будет? Как ты, Дмитрий Михайлович, считаешь?»

Пожарский честно признался тогда боярину:

«А чего ж он так сильно под поляков и бояр-предателей прогибался? Или Филарет из Польши так приказал, чтоб потом поудобней на царство посадить?»

А дальше все было делом несложным. Слово сочетание «природный царь Михаил Романов» было произнесено. Оно подействовало на выборных людей. Еще бы! Ведь юного неопытного Михаила Федоровича подвинула к престолу не просто фамильная популярность Романовых, но прежде всего их родственная связь с династией Рюриковичей, оборвавшаяся со смертью Федора Ивановича. Они пострадали при Годунове и других царях, сидевших на московском троне. В юном Михаиле большинство выборных людей видело родного племянника царя Федора, природного наследственного царя из Рюриковичей. Так мог бы появиться самодержец, опирающийся на прежнюю «природную» династию и начинающий новую, положивший конец Смуте на несчастной русской земле уже в этом, 1613 году от Рождества Христова.

Читаем Соловьева дальше:

«Но еще не все выборные находились в Москве, знатнейших бояр не было, князь Мстиславский с товарищами тотчас после своего освобождения разъехали из Москвы, им неловко было оставаться в ней подле воевод-победителей; теперь послали звать их в Москву для общего дела, послали также надежных людей по городам и уездам выведать мысль народа насчет нового избранника и окончательное решение отложили на две недели, от

8 до 21 февраля 1613 года. Наконец, Мстиславский с товарищами приехали; приехали и запоздавшие выборные, возвратились посланники по областям с известием, что народ с радостью признает Михаила царем. А 21 февраля, в неделю православия, то есть в первое воскресенье Великого поста, был последний собор; каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека — Михаила Федоровича Романова. Тогда рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспаский архимандрит Иосиф и боярин Василий Петрович Морозов взошли на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь, кого они хотят в цари? «Михаила Федоровича Романова» — был ответ».

В старинном казацком сказе говорится, что 21 февраля вооруженные ватаги донцов ворвались в Кремль, другие отряды окружили дворцы претендентов на престол Пожарского и Трубецкого. Сопротивляться казацкому напору лидеры дворянского ополчения не могли из-за роспуска и убытия из Москвы их войск, к тому же на всех выездах из столицы стояли конные казацкие разъезды. Выборным людям казаки разъясняли, мол, последний природный царь Федор Иванович, сын Ивана Грозного, благословил на царство

своего двоюродного брата Федора Никитича Романова. А коли митрополит-патриарх Филарет полонен и находится в «почетном польском плену», то надо избирать не младшего его брата Ивана Никитича Романова, а юного Михаила, которому тот же дядя в отсутствие Филарета будет твердой опорой.

Боярин Иван Романов по прозвищу Каша, данному ему за нечленораздельную речь, сам рвался в цари, открыто унижал своего племянника Михаила. Мол, неразумен тот по малолетству, слаб для престола. Это вышло Ивану боком. Казаки припомнили Каше, что чин боярина он получил от первого самозванца Лжедмитрия, сам воевода никакой, слабый донельзя, чтобы племянника оттеснять от престола.

Решающим аргументом казаков за племянника Михаила, а не за его пожилого пятидесятитрехлетнего дядю было жесткое мнение Филарета, донесшееся из-за границы. Мол, мой младший брат Каша и на престоле кашу разведет почище нынешней.

По казацкому преданию, донской атаман небрежно положил на свою отписку в пользу природного царя Михаила Романова обнаженную саблю. Мол, хватит в бирюльки играть, кашу из слез и соплей разводить. Быть царем Михаилу Федоровичу Романову, сыну Филарета Никитича.

Свершилось странное и наивное русское чудо. К костромскому Ипатьевскому монастырю, где после голодухи, пережитой в Кремле вместе с поляками и лидерами Семибоярщины, укрывались от Смуты Михаил и его мать, инокиня Марфа, двигалась бесконечная процессия, сверкая на морозе окладами икон и крестами. К обители шло знатное духовенство, шагали бояре и дворяне в парадном одеянии, казаки при полном вооружении, множество людей всех чинов и бедняков-простолюдинов.

В монастыре юному Михаилу и его матушке Марфе была торжественно, прилюдно вручена почетная грамота от «всего Освященного Земского собора бояр, воинства и всего народа русского». В ней была высказана просьба, чтобы мать благословила юного сына на Московское царство и чтобы тот «благодарный и Великий Государь милость народу оказал и прошение принял».

Но тут Михаил якобы изрядно разволновался.

Он вернул выборным людям «почетную грамоту» с горьким плачем и не менее горькими словами:

«Не хочу я быть вашим государем, люди!»

Инокиня Марфа видела слезы и неуступчивость своего юного сына и произнесла трогательную речь о том, как «непостоянством

русских людей» погибло великое Московское государство, о бесконечных клятвопреступлениях, предательствах да изменах, о поругании и убийствах прежних царей.

Много времени потратили выборные люди на уговоры Михаила и инокини Марфы. Они Христом Богом молили мать отпустить сына на царство, а она не соглашалась, да и сам он отказывался от такой великой чести. Чем же взяли верх делегаты, подкупили несговорчивых Михаила и Марфу, растопили их сердца? А тем, что пообещали не оставлять царя Михаила одного-одинешенька, наедине с бесконечными, невероятно серьезными государственными проблемами.

Надо сказать, что они сдержали свое слово. В конце концов юный, совершенно неопытный Михаил Романов был избран на царство, вызволен из Ипатьевского монастыря и доставлен в Москву. Он не остался наедине с боярским и княжеским властолюбием и огромными проблемами изгнания Смуты из просторов Русского государства, восстановления жизнедеятельности страны, некогда великой, а теперь порванной в клочья. Земский собор постоянно поддерживал все благие начинания «природного» царя Михаила. Знаменательно, что впервые в русской истории его делегаты избирались на трехлетний срок. Они без какого-либо перерыва, в три долговремен-